

УДК 811/161/1(075)

Е.В. Иванцова**О ТЕРМИНЕ «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ»: ИСТОКИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

Статья посвящена одному из центральных терминов антропоцентрической лингвистики. Автор рассматривает трактовку данного термина в работах основателей теории языковой личности, анализирует различные варианты его понимания в трудах их последователей, намечая перспективы использования актуального терминологического обозначения.

Ключевые слова: языковая личность, определение.

Одним из центральных в современной лингвистике является феномен языковой личности (далее также «ЯЛ»), приобретающий в науке категориальный статус. С 90-х гг. XX в. понятие «языковая личность» «...становится стержневым системообразующим филологическим понятием. Большинство исследователей в настоящее время оно оценивается как интегративное, послужившее началом нового этапа в развитии языкознания – антропологической лингвистики» [1. С. 15]. Хотя в отдельных работах встречается его негативная оценка¹, использование данного термина в целом ряде областей научного поиска – лингводидактике и психолингвистике, стилистике художественной речи и лингвокультурологии, коммуникативной лингвистике и лингвоперсоналогии – свидетельство чрезвычайной востребованности обращения к «человеческому фактору» в языке, маркирование антропологического ракурса исследований. Широкая употребительность нового терминологического связывается учеными с его синтезирующим характером, отражающим междисциплинарность современных исследований человека, интеграцию гуманитарных наук, а внутри лингвистики – интеграцию различных ее областей при изучении рассматриваемого явления.

Термин «языковая личность» только начинает находить отражение в лингвистических справочниках, и в научных исследованиях отсутствует его единая трактовка.

Если обратиться к истокам употребления этого словосочетания, то почти одновременно оно появляется в 30-е гг. XX в. в работах Й.Л. Вайсгербера и В.В. Виноградова.

¹ В.Л. Краев считает сочетание «языковая личность» терминологически неудачным, соответствующим стадии «общей неопределенности» исследовательского процесса [2. С. 110]. Отрицательно оценивает его и В.А. Чудинов: «С одной стороны, термин избыточен (типа «масляного масла»), поскольку «безязыковой личности» не бывает. Личность может стать личностью только в процессе социализации, а без овладения национальным языком это невозможно. Иными словами, с точки зрения логики, понятие языка уже включено в понятие личности. С другой стороны, нарушена соотношение личности с соответствующей языковой структурой, которая для личности оказывается не языком в полном его объеме, а лишь речью – индивидуальной, возрастной, территориальной, принадлежащей определенному социальному слою» [3].

В книге «Родной язык и формирование духа» (1927) Й.Л. Вайсгербер пишет: «...язык представляет собой наиболее всеобщее культурное достояние. Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу...» [4. С. 81]. В отечественной науке упоминание о ЯЛ впервые встречается в работе В.В. Виноградова «О художественной прозе» (1930). Рассматривая изучение проблемы индивидуального в языке, ученый указал, что Бодуэна де Куртенэ «...интересовала языковая личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус смещения и смешения разных социально-языковых категорий» [5. С. 61]. Описывая пути выделенной Ф. де Соссюром лингвистики *de la parole*, автор говорит о том, что при изучении словесного творчества личности «...социальное ищется в личностном через раскрытие всех структурных оболочек языковой личности» [5. С. 91]. Несколько раз включая в текст работы словосочетание «языковая личность» (кстати, там же и таким же образом употребляются «поэтическая личность» и «литературная личность»), В.В. Виноградов, однако, не раскрывает его.

Нетрудно заметить, что в обеих работах впервые введенное в научный оборот словоупотребление еще не носит строго терминологического характера; ни один из ученых не дает толкования нового понятия.

Осмысление феномена, обозначенного словами «языковая личность», происходит только спустя полвека. Лишь в наши дни это наименование приобретает статус термина. Начиная с 80-х гг. XX в. появляется целый ряд его определений.

В 1980 г. Г.И. Богин в книге «Современная лингводидактика» дал первое из них. «Центральным понятием лингводидактики, – писал он, – является языковая личность – человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки. <...> Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [6. С. 3]. В этой же работе, рассматривая признаки идеальной ЯЛ, он подчеркивает, что «человек обладает родовой способностью быть языковой личностью, но каждый индивид еще должен стать ею» [Там же]. В докторской диссертации ранее толкование им было дополнено. ЯЛ определяется там как «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [7. С. 1].

Немного позднее в книге «Русский язык и языковая личность» (1987) появилось определение Ю.Н. Караулова, трактующего ЯЛ как «...совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [8. С. 245]. В этой же монографии автор дает и принципиально другое толкование: «...языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [8. С. 38]. Оба они с несколько измененными формулировками вошли в энциклопедию

«Русский язык» под ред. Ю.Н. Караулова. ЯЛ в первом значении определена как «наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов», во втором – как «...любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [9. С. 671].

В определениях основателей теории ЯЛ отражены ключевые элементы, на базе которых создано большинство более поздних дефиниций их последователей. Они связаны с обозначением 1) родового компонента, 2) уровня обобщенности объекта исследования, 3) главной области анализа данного феномена, в представлении авторов.

1. Как можно видеть, в приведенных выше дефинициях в качестве родового понятия используются наиболее общее понятие «человек» (у Г.И. Богина), «совокупность речевых способностей» и, наконец, «личность» (оба – у Ю.Н. Караулова). Отсутствие антропологического родового компонента во втором из определений вызвало его корректировку: вслед за ним появился целый ряд вариантных толкований, дополняющих базовое элементами «субъект», «личность», «человек», «индивид», «носитель языка» и т.п.² К недостаткам этого толкования можно отнести и совмещение объекта и предмета исследования.

Предлагаются также дефиниции, в которых сущность ЯЛ определена через понятие системы или совокупности свойств человека. В них либо акцентируются собственно языковые составляющие рассматриваемого феномена³, либо учитываются и внеязыковые компоненты, характеризующие личность⁴.

² Ср.: «Языковой личностью считается субъект, способный осуществлять речевую деятельность, оперируя смысловыми образованиями» (И.Э. Клюканов) [10. С. 73]; «Личность, владеющую совокупностью дискурсивных способностей... а именно ориентировки и планирования речевых и неречевых действий, формулирования плана действия в речевой форме, контроля и корректировки (по мере необходимости) речевых действий, можно назвать языковой личностью» (А.А. Пушкин) [11. С. 52]; «Под языковой личностью понимается индивид, способный создавать закодированные обозначения внешнего мира, служащие моделью понятийной действительности и закрепленные кодификацией языкового коллектива» (О.А. Еремеева) [12. С. 434]; «...языковая личность рассматривается... как носитель языковой способности определенного качества, данного ей изначально и далее развивающегося в соответствии с заложенным в ней потенциалом» (Н.Д. Голев) [13. С. 10] и др.

³ «Языковая личность – это многомерная, многоуровневая функциональная система, дающая представление о степени владения языком и речью индивидом на уровне активного и творческого осмысления действительности» (Е.В. Барсукова) [14. С. 5]; «это устойчивая система лингвистических форм, структурирующих внутреннюю и внешнюю активность индивида» (М.В. Бороденко) [15. С. 212].

⁴ ЯЛ «...может определяться и как динамическая система, характеризующаяся особым соотношением различных... параметров: духовного, душевного, интуитивного, рационального, сознательного, бессознательного, узуального, творческого, потенциального, репрезентативного и др. Языковая личность выступает также и как функциональная система...» (А.Р. Ерошенко) [16. С. 20]; «Языковая личность представляет собой совокупность социально-психологических и культурологических свойств человека, определяющих ее способность к творческой текстовой деятельности и отображению специфической национально-языковой картины мира, конструктивное взаимодействие с окружающей средой, открытость для восприятия и адаптации в иной ментально-языковой среде с целью приобщения к иноязычной культуре и определения своего места в спектре различных культур» (С.Ю. Годунова) [17. С. 10].

На наш взгляд, из всех вариантов родового компонента определения ЯЛ предпочтительным является «личность», поскольку новое лингвистическое терминологическое обозначение не только производно от термина, который имеет давнюю традицию в психологии, философии и социологии⁵, но и позволяет в максимально краткой и емкой форме обозначить сущность междисциплинарного объекта исследования: это личность (во всей совокупности ее качеств, выявленных смежными дисциплинами), отраженная в языке.

2. Что касается уровня обобщения при выборе объекта, обозначаемого термином «языковая личность», то и в исходных определениях, и в последующей практике антропологических исследований он весьма широко варьируется.

Изначально лингводидактическая трактовка ЯЛ, предложенная Г.И. Богиним, подразумевала изучение некой научной фикции в абстрагировании не только от индивидуальных различий людей, но и от различий языков.

Во многом противопоставленным ему представляется второе определение Ю.Н. Караулова, ориентированное на изучение конкретного говорящего. Вместе с тем получившая наиболее широкую известность дефиниция, в которой ЯЛ толкуется этим же ученым через языковую способность индивида, не содержит уточнений относительно рассматриваемого параметра. Как самим автором, так и его последователями она используется и при обращении к так называемым «условным ЯЛ» (персонажам художественного текста), и при изучении национальных или социальных языковых типов (русская, советская, женская... языковая личность, языковая личность сельского жителя, государственного служащего, старшеклассника, обывателя...), и, наконец, при анализе речи реальных индивидов. Развитие лингводидактики в сторону ее сближения с лингвоперсонологией также привело к тому, что при обучении языку начали приниматься в расчет не только общие закономерности овладения человеком языковой системой, но и национально-культурная специфика родного и/или иностранного языка, цели обучения (в том числе свя-

⁵ Личность в общественных науках определяется как особое качество человека, приобретаемое им в социокультурной среде в процессе совместной деятельности и общения [18. С. 174], и как субъект, наделенный этим качеством, – социализированный индивид [19. С. 24–25], общественная сущность человека, синтез биологических и социальных, врожденных и приобретенных свойств [20. С. 38]. И.П. Сусов отмечает в данном понятии тесную взаимосвязь разнородных начал. С одной стороны, личность – продукт общественного развития, она производна от среды, формируется в ней, воспитана эпохой, ее общественным сознанием, психологией, культурой. С другой стороны, личность – активный субъект познавательной и трудовой деятельности, руководствующийся собственными интересами и мотивами, хотя в них преломляются общественные стимулы деятельности. Итак, в личности «...диалектически взаимосвязаны социальное и индивидуальное, общее и особенное, природное и усвоенное, воспроизводимое и творимое заново, объективное и субъективное» [21. С. 10].

Содержание понятия «личность» выявляется на фоне смежных с ним явлений. В.П. Тимофеев писал о том, что в ряду «человек / личность / индивид» его составляющие противопоставляются как общее, единичное и особенное, при этом центральным из них является «личность» [10. С. 24–25]. В современном человекознании парадигма «индивид – личность – индивидуальность» рассматривается как проявление биогенетического (темперамент, возраст, пол...), социогенетического (социальные роли, установки и ценностные ориентации) и персогоенетического (самосознание и творчество, мотивы, смысл жизни) направлений [18. С. 175]. Анализируя представления носителей русского языка об этих понятиях, Р.И. Розина определяет противопоставление «человек – личность» как статичное и динамичное (человеком являются по рождению, личностью становятся), отмечая в человеке сочетание физического, духовного и социального, а в личности – духовного и социального [22].

занные с освоением той или иной профессии), психофизические особенности групп обучаемых, а также их индивидуальные различия⁶.

В соответствии с выделенными Ю.Н. Карауловым уровнями абстракции при исследовании ЯЛ⁷ различные степени обобщения объекта анализа соотносятся с самостоятельными значениями исходного термина: «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ – носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов: а) как индивидуум и автор этих текстов со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; б) как типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива, совокупный или усредненный носитель данного языка; в) как представитель вида *homo sapiens* (человек разумный), неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка» [24. С. 104]. При недифференцированном восприятии объекта анализа языковая личность «понимается как индивид или как коллектив, пользующийся языком как базовым каналом коммуникации» [25. С. 126].

Таким образом, представление о ЯЛ связывается не только с реальным носителем языка, но и с некой моделируемой сущностью, научной абстракцией⁸. Истоки таких взглядов можно найти в работе Н.С. Трубецкого «К проблеме русского самопознания» (1927), где философское понятие личности рассматривается в единстве и противоположности двух его сторон – «частночеловеческой» и «многочеловеческой» (частнонародной и многонародной), «симфонической» личности [27].

Противопоставление двух форм существования исследуемого феномена признается авторами многих современных работ. Широко распространены термины «коллективная ЯЛ» (некое сообщество людей, говорящих на данном языке) и «индивидуальная ЯЛ» (отдельный представитель этого сообщества). В.П. Нерознак вслед за Н.С. Трубецким обозначает язык народа и конкретного его представителя как «многочеловеческую (полилектную)» и «частночеловеческую (идиолектную)» ЯЛ [28. С. 113]. И.И. Сентенберг говорит о совокупной ЯЛ – обобщенном образе носителя данного языка и индивидуальной ЯЛ – конкретном носителе данного языка как двух сторонах одной медали, не существующих друг без друга. Отмечается, что совокупная ЯЛ вариативна в территориальном, профессиональном, культурном, половом и т.п. отношении; в связи с этим возможно изучение ЯЛ школьника, дошкольника, студенческой и рабочей молодежи, основного и уходящего поколений и т.д. [29. С. 15]. А.А. Ворожбитова предлагает использовать термин «коллектив-

⁶ См., например, работы кемеровских лингвистов под руководством Н.Д. Голева и О.Б. Лебедевой [13, 23 и др.].

⁷ Им выделены три уровня абстракции при исследовании ЯЛ: а) личность как индивидуум и автор текстов, обладающий «своим характером, интересами, социальными предпочтениями и установками»; б) личность – совокупный или усредненный носитель языка, типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в него коллектива; в) личность как представитель человеческого рода вообще [9. С. 671].

⁸ Е.В. Ширина, например, рассматривает понятие «языковая личность» как категорию обобщенную, отвлеченную от конкретного исполнителя. Она считает, что «языковая личность – это не паспортизация конкретного лица, а модель совокупной речевой деятельности группы лиц» [26. С. 276], конкретные же характеристики индивида соотносит с понятием «языкового портрета».

ная ЯЛ» или «совокупная ЯЛ» применительно к этносу в целом, а при описании социальных групп ввести термин «групповая ЯЛ» [30. С. 139]. О.Н. Шевченко противопоставляет типовую и индивидуальную ЯЛ. «Типовая языковая личность характеризуется такими свойствами, как абстрактность, эталонность, собирательность, безличность»; в каждом конкретном случае типовая модель реализуется в виде индивидуальной ЯЛ. Индивидуальная ЯЛ совпадает с типовой в базовых характеристиках, но в то же время имеет свои особенности [31. С. 7].

Закономерное стремление к выявлению обобщающих свойств исследуемых феноменов свойственно любой науке. Однако, несмотря на распространенность, закрепление за термином «языковая личность» значений «типовой представитель языкового сообщества» и «человек говорящий вообще» представляется нежелательным не только в связи с неудобством использования в научной практике многозначных терминов, но и прежде всего вследствие изначального противопоставления исходных понятий «личность» и «коллектив». Попытки устранить полисемию при помощи терминообозначения «коллективная ЯЛ» (с его синонимическими аналогами «совокупная», «полилектная», «многочеловеческая» и т.п.) не решают проблему внутренней противоречивости, алогичности номинации обозначаемого явления. Представляется, что такая терминологическая ситуация возникает в связи с вычленением в традиционных объектах лингвистического анализа (язык как средство общения людей в целом, язык нации или ее социолингвистических групп) антропологического аспекта исследования. Чрезмерно расширительное употребление термина «языковая личность» отчасти и дань «научной моде», которая так же, как и мода в быту, отражает преломление важных общественных потребностей в массовом сознании. На наш взгляд, перспективы использования термина «языковая личность» связаны с обозначением конкретного носителя языка, с тем определением Ю.Н. Караулова, которое пока осталось почти не замеченным в лингвистике. Близки к нему дефиниции Д.Н. Мурзина⁹ и Е.В. Иванцовой¹⁰. В прочих случаях точнее было бы говорить о ТИПАХ языковых личностей.

Возможно, терминообозначение «коллективная (и под.) ЯЛ» впоследствии выйдет из активного употребления; тогда термин «индивидуальная (идиолектная, частночеловеческая, конкретная...) ЯЛ» утратит тавтологичные поясняющие определения и закрепится в лингвоперсонологии в качестве центрального.

3. Вариативность определений ЯЛ обусловлена также различными представлениями о предмете (аспектах) изучения данного феномена. В одних дефинициях эта область толкования совпадает с формулировкой объекта исследования, в других выделена в самостоятельную часть содержательной характеристики рассматриваемого понятия.

Анализ определений ЯЛ с этой точки зрения наглядно демонстрирует процессы интеграции и дифференциации отдельных областей науки о языке в

⁹«Языковая личность есть индивид, представленный через посредство своего речевого воплощения» [32. С. 11].

¹⁰«Личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах» [33. С. 10].

период становления ее антропоцентрической парадигмы. Различные трактовки аспектов изучения ЯЛ явно соотносятся с выделившимися в последние десятилетия из традиционной лингвистики новыми областями.

К работам Г.И. Богина восходят определения лингводидактического типа, центральное место в которых занимают речевые (языковые) способности человека и их реализация.

Интерес лингвокультурологии к «человеческому фактору в языке» вызвал трактовку ЯЛ как «...закрепленного преимущественно в лексической системе базового национально-культурного прототипа носителя определенного естественного языка...» (С.Г. Воркачев) [34. С. 17]. Таким образом, в задачи изучения «этносемантической» (коллективной!) ЯЛ входит выявление особенностей национальной культуры и менталитета того или иного языкового сообщества. Ближе к такому пониманию (но, может быть, с некоторым смещением акцентов также в сферу когнитивной и коммуникативной лингвистики) определение В.И. Карасика: «Языковая личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [35. С. 363]. Синтез задач этих наук и социолингвистики видится в определении «модельной» ЯЛ – «типичного представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [36. С. 99].

Коммуникативная лингвистика породила представление о ЯЛ как «коммуникативной». По Г.Н. Беспамятной, это «совокупность отличительных качеств личности, обнаруживающихся в ее коммуникативном поведении и обеспечивающих личности коммуникативную индивидуальность» [37. С. 10].

Наконец, в ряде определений, связанных с конкретным носителем языка, выкристаллизуются задачи лингвоперсонологии, ставящей в центр исследования реальных индивидов в диалектическом единстве индивидуально- и коллективного в их языке и речи, в сочетании собственно языкового и личностного в широком смысле этого слова. Следует отметить, что в дефинициях Ю.Н. Караулова¹¹, где обозначены компоненты структуры ЯЛ (лексикон, тезаурус и прагматикон), отражен современный взгляд на язык как инструмент познания мировоззрения, системы ценностей и мотивов человека. Не случайно эти толкования термина имеют самый высокий индекс цитирования: в свернутом виде в них заложены методологические принципы анализа рассматриваемого феномена.

Многие исследователи стремятся сузить содержание понятия «языковая личность», вводя его в парадигматический ряд близких понятий, или заменить исходный термин иными терминообозначениями. Так, А.В. Пузырев противопоставляет языковую личность мыслительной, речевой и коммуникативной, связывая с первым из терминов только анализ степени развитости языка, его особенностей [38]; В.В. Красных разграничивает языковую, речевую, коммуникативную личность и человека говорящего [39. С. 12]. Предлагают также использовать термин «речевая личность», наполняя его различ-

¹¹ Эти определения не исключают возможности их применения и при исследовании реальных ЯЛ.

ным содержанием. В отдельных работах он рассматривается как тождественный по значению общепринятому «языковая личность», но более точный по внутренней форме; в трудах других лингвистов с ним связывается только один из аспектов описания ЯЛ.

Итак, термин «языковая личность» активно утверждается в лингвистике наших дней. Его востребованность обусловлена прежде всего антропологической направленностью современной науки о языке. Многоплановость интерпретации этого термина связана с разными представлениями об объекте, стоящем за данным обозначением, степени абстрагирования в процессе исследования, аспектах изучения означенного феномена. Множество его трактовок демонстрируют, с одной стороны, развитие многозначности, с другой – стремление к устранению нежелательной для терминосистемы полисемии. Вторичные термины (в которых нередко за тождественной звуковой оболочкой также закрепляется неодинаковое содержание) пока приживаются плохо, а первичный «языковая личность» сохраняет вариативность семантического наполнения. Такое положение вещей можно объяснить как антиномичностью исходных объектов, отраженных в рассматриваемом словосочетании (единство и противоположность языка / речи, социального и индивидуального начала в человеке), так и недостаточной сформированностью терминологического аппарата новой области научного знания.

Представляется, что во многих случаях термин «языковая личность» употребляется избыточно широко для обозначения коллектива носителей языка. В связи с вычленением лингвоперсонологии из более широкой области антропологической лингвистики целесообразным было бы закрепление за объектами разной степени абстракции разных терминообозначений, которые еще предстоит ввести для разделов языкознания, смежных с теорией языковой личности.

Литература

1. Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // Вопросы стилистики. Саратов, 1996. Вып. 26. С. 14–24.
2. Психоллингвистика и межкультурное взаимопонимание. М., 1991. 350 с.
3. Чудинов В.А. Проблема языкового субъекта // <http://chudinov.ru/problema-yazykovogo-subekta/>.
4. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа: Пер. с нем. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 204. 232 с.
5. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
6. Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. 61 с.
7. Богин Г.И. Концепция языковой личности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982. 31 с.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
9. Русский язык: Энцикл. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БРЭ, 1997. 704 с.
10. Ключанов И.Э. Языковая личность и интегральные смысловые образования // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990. С. 69–73.
11. Пушкин А.А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990. С. 50–60.
12. Еремеева О.А. О понятии «языковая личность» // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Харьков, 1991. Вып. 1, ч. 2. С. 434.

13. *Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение* / Под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул; Кемерово, 2006. 435 с.
14. *Барсукова Е.В.* Языковая личность как категория исторической культурологии (на материале «Архива князя Воронцова»): Автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2007. 22 с.
15. *Бороденко М.В.* «Языковая» личность // Культурно-историческая психология развития. М., 2001. С. 211–214.
16. *Ерошенко А.Р.* Концепт «Человек» в антропологической лингвистике: особенности интерпретации // Антропоцентрическая парадигма в филологии. Ставрополь, 2003. Ч. 2. С. 18–20.
17. *Годунова С.Ю.* Педагогические условия развития языковой личности студента технического вуза: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 24 с.
18. *Психологический словарь.* М.: Педагогика-пресс, 1997. 440 с.
19. *Тимофеев В.П.* Личность и языковая среда: Учеб. пособие. Шадринск, 1971. 122 с.
20. *Коллектив.* Личность. Общение: Словарь социально-психологических понятий / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л.: Лениздат, 1986. 144 с.
21. *Сусов И.П.* Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 9–16.
22. *Розина Р.И.* Человек и личность в языке // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 52–56.
23. *Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: Учеб. пособие* / Под ред. Н.В. Мельник. Кемерово, 2009. 384 с.
24. *Культура русской речи: Энцикл. слов.-справ.* М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
25. *Гронская О.Н.* Языковая картина мира и языковая личность сказки: пути реконструкции // Языковая картина мира. Кемерово, 1995. С. 126–127.
26. *Ширинина Е.В.* К характеристике понятий «личность», «языковая личность» и «языковой портрет» // Речевая деятельность. Текст. Таганрог, 2002. С. 274–280.
27. *Трубецкой Н.С.* К проблеме русского самопознания // Вавилонская башня-2: Слово. Текст. Культура. Чтения 2002–2003. М., 2003. С. 7–12.
28. *Нерознак В.П.* Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996. С. 112–116.
29. *Сентенберг И.И.* Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград, 1994. С. 14–25.
30. *Ворожбитова А.А.* Теория текста: антропоцентрическое направление: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2005. 367 с.
31. *Шевченко О.Н.* Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 22 с.
32. *Мурзин Д.Н.* Антропологическая ниша в языковой науке // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995. С. 11–12.
33. *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
34. *Воркачев С.Г.* Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и испанском языках // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 16–25.
35. *Карасик В.И.* Языковая личность: аспекты изучения // II Междунар. науч. конф. «Язык и культура», Москва, 17–21 сентября 2003 г.: Тез. докл. М., 2003. С. 362–363.
36. *Карасик В.И.* Модельная личность как лингвокультурный концепт // Филология и культура: Материалы 3-й Междунар. науч. конф. Ч. 2. Тамбов, 2001. С. 98–101.
37. *Беспмятнова Г.Н.* Языковая личность телевизионного ведущего: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1994. 19 с.
38. *Пузырев А.В.* Общество, язык, текст и языковая личность в аспекте субстратного подхода к языку // Общество, язык, личность. М., 1996. Вып. 1. С. 20–23.
39. *Красных В.В.* Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 72 с.